

Жорж
Сименон

МЕГРЭ
У КОРОНЕРА

Комиссар Мегрэ

Жорж Сименон
Мегрэ у коронера

«Азбука-Аттикус»

1949

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

Сименон Ж.

Мегрэ у коронера / Ж. Сименон — «Азбука-Аттикус»,
1949 — (Комиссар Мегрэ)

ISBN 978-5-389-15435-3

Предлагаем вашему вниманию повесть Ж. Сименона «Мегрэ у коронера». Комиссар Мегрэ – типичный парижанин. Он носит пальто с бархатным воротником, не расстаётся с трубкой и обожает греться у огня. Однако в любое время суток он готов покинуть свою уютную квартиру на бульваре Ришар-Ленуар или прокуренный кабинет на набережной Орфевр, чтобы прийти на помощь оказавшемуся в беде человеку. Разгадывая самые сложные преступления, распутывая самые причудливые интриги, Мегрэ руководствуется одним безотказным принципом: чтобы найти виновных, нужно прежде всего понять смысл их поступков...

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

ISBN 978-5-389-15435-3

© Сименон Ж., 1949
© Азбука-Аттикус, 1949

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Жорж Сименон

Мегрэ у коронера

Georges Simenon
MAIGRET CHEZ LE CORONER

Copyright © 1949, Georges Simenon Limited
GEORGES SIMENON ®
MAIGRET ® Georges Simenon Limited
All rights reserved

Перевод с французского Л. Цывьяна

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

© Л. Цывьян (наследник), перевод, 2017
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство Иностранка ®

* * *

Глава 1

Помощник шерифа Мегрэ

– Эй, вы, там!

Мегрэ, словно в школе, начал осматриваться, к кому там обращаются.

– Да, да, вы...

Иссохший старец с огромными седыми усищами, как будто сошедший во плоти со страниц Библии, указывал на кого-то дрожащей рукой. Но на кого? Мегрэ глянул на соседа, на соседку и, смутившись, внезапно понял: это на него смотрят коронер¹, допрашиваемый сержант ВВС, атторней², присяжные, шерифы – короче, весь зал.

– Вы мне? – спросил Мегрэ, удивленный, что кому-то здесь понадобился, и всем видом изобразил готовность подняться.

Люди, сидящие в зале, улыбались: видимо, всем, кроме него, было ясно, в чем дело.

– Да, вам, – подтвердил старец, похожий одновременно и на пророка Иезекииля³, и на премьер-министра Клемансо⁴. – Не соблаговолите ли потушить трубку?

Мегрэ сконфуженно бормотал извинения, а все вокруг смеялись, но смех был дружеский.

Происходило это отнюдь не во сне, а наяву. Он, комиссар сыскной полиции Мегрэ, находился здесь, более чем в десяти тысячах километров от Парижа, и присутствовал на допросе, проводимом коронером; тот сидел без жилета и без пиджака, но тем не менее вид у него был серьезный и величественный, точно у банковского служащего.

Мегрэ великолепно отдавал себе отчет, что его коллега Коул, в сущности, деликатно от него отделался, но не сердился: на месте офицера ФБР он вел бы себя точно так же. В свое время и он делал то же самое: два года назад ему поручили сопровождать в поездке по Франции коллегу из Скотленд-Ярда мистера Пайка, и Мегрэ частенько оставлял его, словно зонтик в гардеробе, где-нибудь на террасе кафе, с ободряющей улыбкой бросая: «Я на минутку».

Разница лишь в том, что американцы куда сердечнее. Мегрэ побывал в Нью-Йорке, проехал не то через десять, не то через одиннадцать штатов – всюду его хлопали по плечу и первым делом спрашивали:

– Как ваше имя?

Не мог же он говорить, что имени у него нет. Приходилось отвечать: «Жюль». Обычно собеседник секунду-другую соображал.

– Oh, yes... Джулиус!

Почему-то все американцы произносили его имя – Джулиус.

– Have a drink, Gulius!⁵

В результате во время поездки Мегрэ пришлось проглотить во множестве баров бесчисленное количество пива, «манхэтенов» и виски.

Сегодня он уже пил – перед завтраком: Гарри Коул представлял его мэру Тусона и шерифу округа.

¹ *Коронер* – в Англии и США специальный судья, занимающийся выяснением причины смерти, происшедшей при загадочных или подозрительных обстоятельствах.

² *Атторней* – представитель атторнейской службы, наблюдающий за соблюдением законов и на местах исполняющий некоторые функции прокуратуры.

³ *Иезекииль* – древнееврейский пророк, автор книги Ветхого Завета, носящей его имя.

⁴ *Клемансо Жорж* (1841–1929) – премьер-министр Франции в 1906–1909 и 1917–1920 гг.

⁵ Выпейте, Жюль! (*англ.*)

Больше всего Мегрэ удивляли не люди, не обстановка – нет, он удивлялся себе, верней, тому, что приехал в Аризону, в этот город, и вот его оставили на минутку, посадив на скамью в маленьком зальчике мирового суда.

Мэр был сама любезность. А шериф вручил Мегрэ удостоверение и великолепную серебряную звезду помощника шерифа, точь-в-точь такую же, как в ковбойских фильмах.

Правда, это была уже не первая звезда, полученная Мегрэ: он стал помощником шерифа не то восьми, не то девяти округов в штатах Нью-Джерси, Мэриленд, Вирджиния, Луизиана, Техас и Каролина, то ли Северная, то ли Южная – этого он не помнил.

В Париже Мегрэ часто принимал иностранных коллег, но сам впервые отправился в ознакомительную поездку такого рода или, выражаясь официальным языком, в командировку «для изучения американских методов следствия».

– Перед Калифорнией вы должны на несколько дней заехать в Аризону. Это по пути.

Здесь все всегда оказывалось по пути. И Мегрэ увозили на несколько сотен миль в сторону. На небольшой, по здешним понятиям, крюк приходится тратить три-четыре дня.

– Это же совсем рядом!

То есть это расстояние всего раза в два больше, чем от Парижа до Марселя.

– Завтра, – сказал Коул, сотрудник ФБР, сопровождавший его в Аризоне, – мы махнем взглянуть на мексиканскую границу. Это рукой подать.

На сей раз «рукой подать» означало всего лишь километров сто.

– Вам это будет интересно. Мы поедем в Ногалес. Через этот город проходит граница, там переправляют в Штаты крупные партии марихуаны.

Коул объяснил: марихуана, мексиканское растение, постепенно вытесняет у наркоманов опиум и кокаин.

– В Ногалес, кстати, пригоняют большую часть машин, украденных в Калифорнии.

А пока Коул оставил Мегрэ: у него были какие-то дела.

– Как раз сейчас коронер проводит расследование. Не хотите присутствовать?

Коул привел Мегрэ в небольшой зал с белыми стенами и усадил на одну из трех скамей; за спиной мирового судьи, исполняющего функции коронера, висел американский флаг. Коул не стал объяснять своему французскому коллеге, что оставляет его одного. Он просто пожал Мегрэ руку, хлопнул по плечу и небрежно бросил:

– Я скоро за вами приду.

О деле, которое рассматривалось, Мегрэ не имел ни малейшего представления. Все в зале были без пиджаков. Правда, жара была градусов под сорок пять. Шестеро присяжных сидели на той же скамье, что и Мегрэ, но на другом конце, ближе к двери; среди них были негр, индеец с массивной нижней челюстью, мексиканец, слегка смахивающий и на негра, и на индейца, а также пожилая дама в ярком, в цветочках платье и в шляпке, забавно надвинутой на лоб.

Иезекииль время от времени вставал и пытался отладить громаднейший вентилятор, вращавшийся под потолком с таким шумом, что порой нельзя было разобрать слов.

Все шло спокойно, просто, можно даже сказать – по-семейному. Коронер в безукоризненно белой рубашке с цветастым шелковым галстуком сидел на возвышении.

Сержант ВВС в светло-коричневом полотняном френче, то ли свидетель, то ли обвиняемый – Мегрэ еще не разобрался, – сидел рядом на стуле. Еще четверо военных, похожие на школьников-переростков, сидели в ряд напротив присяжных.

– Расскажите, что вы делали вечером двадцать седьмого июля.

Показания давал сержант Уорд – Мегрэ расслышал его фамилию. Был он голубоглазый, с черными сросшимися на переносице бровями и ростом за метр восемьдесят пять.

– В полвосьмого я зашел за Бесси к ней домой.

– Говорите громче и повернитесь к присяжным. Присяжные, вам слышно?

Присяжные дружно затрясли головами – нет. Сержант Уорд, прочищая горло, кашлянул.

– В полвосьмого зашел за Бесси к ней домой.

Мегрэ приходилось напрягаться: после коллежа у него было не так уж много возможностей упражняться в английском; смысл слов от него ускользал, некоторые обороты сбивали с толку.

– Вы женаты и у вас двое детей?

– Да, сэр.

– Как давно вы знакомы с Бесси Митчелл?

Сержант задумался, словно примерный ученик перед ответом учителю. С секунду смотрел на кого-то из соседей Мегрэ.

– Полтора месяца.

– Где вы с ней познакомились?

– В закусочной для водителей, она там работала подавальщицей.

Мегрэ уже знал, что собой представляет это заведение – по-английски drive-in. У самого шоссе стоит небольшое строение, и уставший водитель (обыкновенно это бывает ближе к вечеру) останавливается рядом с ним. Вылезать из машины не нужно. Подходит девушка, принимает заказ, потом приносит сэндвичи, сосиски или спагетти; поднос с едой подвешивается к дверце автомобиля.

– Вы были с нею близки?

– Да, сэр.

– И сблизились в тот же вечер?

– Да, сэр.

– Где это произошло?

– В машине. Мы отъехали в пустыню.

Пустыня, сплошной песок и кактусы, начинается сразу же за чертой города.

– После этого вы часто встречались с Бесси Митчелл?

– Раза три в неделю.

– И всякий раз были с нею близки?

– Нет, сэр.

Мегрэ был почти уверен, что сейчас этот невысокий въедливый судья спросит: «Почему?»

Но вопрос прозвучал по-другому:

– А как часто?

– Раз в неделю.

– И всякий раз в пустыне?

– Когда в пустыне, когда у нее дома.

– Она жила одна?

Сержант Уорд пробежал взглядом по рядам и остановился на молодой женщине, сидящей слева от Мегрэ.

– Нет, с Эрной Болтон.

– Что вы делали вечером двадцать седьмого июля после того, как зашли за Бесси Митчелл?

– Повел ее в бар «Пингвин», там меня ждали приятели.

– Кто именно?

Уорд указал на четверку в форме ВВС и перечислил их:

– Дэн Маллинз, Джимми Ван-Флит, О’Нил и У Ли.

У Ли был китаец, выглядел он шестнадцатилетним парнишкой.

– И больше с вами в баре никого не было?

– Да, сэр. За нашим столом никого.

– А за другими столами были?

- Брат Бесси Хэролд Митчелл.
- Это сосед Мегрэ справа, у него под ухом огромный фурункул.
- Он был один?
- Нет, с ним сидели Эрна Болтон, музыкант и Мегги.
- Сколько лет было Бесси Митчелл?
- Она мне говорила, двадцать три.
- Вы не знали, что ей на самом деле было семнадцать и, следовательно, она не имела права распивать в баре спиртные напитки?
- Нет, сэр.
- Вы уверены, что ее брат вам этого не говорил?
- Он сказал, но это было после – когда мы сидели у музыканта и Бесси стала пить виски из горлышка. Он заявил, что ему не нравится, когда его сестру спаивают: она еще несовершеннолетняя, и он ее опекун.
- Вы знали, что Бесси Митчелл была замужем и развелась?
- Нет, сэр.
- Вы ей обещали жениться на ней?
- Сержант Уорд замялся, но потом ответил:
- Да, сэр.
- Для этого вы собирались развестись?
- Да, я сказал ей, что подам на развод.
- В дверях появился могучий помощник шерифа – собрат! – в расстегнутой рубаше и желтых молескиновых брюках, с кожаным поясом-патронташем, набитым патронами; на бедре у него висел огромных размеров револьвер с роговой рукояткой.
- Вы все вместе пили?
- Да, сэр.
- Много выпили? Ну, примерно?
- Прикидывая в уме, сколько было выпито, Уорд прикрыл глаза.
- Я не считал, но с тем, что мы ставили по кругу, наверно, пятнадцать, а может, двадцать бутылок пива.
- Каждый?
- Да, сэр. И еще несколько порций виски.
- Странно, но никого из присутствующих не поразило такое количество выпитого.
- В «Пингвине» у вас произошла ссора с братом Бесси?
- Да, сэр.
- Он был недоволен тем, что вы, женатый человек, вступили в связь с его сестрой?
- Нет, сэр.
- Он никогда не выражал по этому поводу недовольства и не просил оставить его сестру в покое?
- Нет, сэр.
- Из-за чего же была ссора?
- Я потребовал деньги, которые он мне был должен.
- Он задолжал вам крупную сумму?
- Почти два доллара.
- Стоимость одного круга выпивки на всех, не иначе!
- Вы подрались?
- Нет, сэр. Мы вышли на улицу, потолковали, вернулись в бар и выпили.
- Вы были пьяны?
- Не очень.
- Итак, вы с ним выпили и продолжали пить до часу ночи, когда бар закрылся?

- Да, сэр.
- Кто-нибудь из ваших приятелей пытался ухаживать за Бесси?
- Уорд с секунду молчал, потом произнес:
- Сержант Маллинз.
- Вы объяснялись с ним из-за этого?
- Нет. Я устроил так, чтобы он сидел подальше от нее.
- Маллинз был ростом с Уорда и тоже брюнет; девушки, должно быть, считали его красивым; он походил на знаменитого киноактера – не на какого-нибудь определенного, а вообще.
- Что вы делали после часа ночи?
- Отправились к Тони Лакуру, музыканту.
- Он, наверно, тоже сидит в зале, но Мегрэ не знал его.
- Кто платил за две бутылки виски, которые вы взяли с собой?
- За одну вроде бы заплатил У Ли.
- Он весь вечер пил вместе с вами?
- Нет, сэр. Капрал У Ли не пьет и не курит. Он на что-то копит деньги.
- Сколько комнат в квартире музыканта?
- Гостиная, маленькая спальня, еще ванная и кухня.
- Где расположилась ваша компания?
- Мы разбрелись по всей квартире.
- Где у вас произошла ссора с Бесси?
- В кухне. Только мы не ссорились. Я увидел, что она пьет виски из горлышка. А с ней это было уже не первый раз.
- Вы хотите сказать, не первый раз за тот вечер?
- Нет, я хочу сказать, что с ней это бывало и до двадцать седьмого июля. А я не люблю, когда она напивается: потом ей всегда нехорошо.
- Бесси была в кухне одна?
- Нет, с ним.
- И Уорд кивком указал на Маллинза.
- Мегрэ ничего не знал об этом деле, он сидел осовевший, вялый, но тут даже рот открыл – задать вопрос, прямо-таки вертевшийся на языке.
- Кто предложил поехать провести остаток ночи в Ногалесе?
- Бесси.
- В котором часу это было?
- Часов около трех, ну, может, в полтретьего.
- Ногалес – это тот город, куда Гарри Коул собирается повезти комиссара. В Тусоне бары закрываются в час, а по ту сторону границы можно пить всю ночь.
- Кто сел с вами в машину?
- Бесси и четверо моих приятелей.
- Как вы вначале расселись в машине?
- Я за рулем, Бесси на переднем сиденье между мной и сержантом Маллинзом. Остальные – на заднем.
- Перед выездом из города вы останавливали машину?
- Да, сэр.
- И вы велели Бесси переменить место. Почему?
- Чтобы она не сидела рядом с Дэном Маллинзом.
- Вы сказали, чтоб она пересела, и капрал Ван-Флит занял ее место. Вас не беспокоило, что она сидит сзади вас в темноте, рядом с двумя мужчинами?
- Нет, сэр.
- И тут совершенно неожиданно коронер объявил:

– Перерыв!

После этого он сразу же поднялся и ушел в соседнюю комнату, на застекленной двери которой было написано: «Посторонним вход воспрещен». Иезекииль вытащил из кармана трубку невероятной длины, раскурил и с усмешкой глянул на Мегрэ.

Все – присяжные, военнослужащие, женщины, несколько любопытных – вышли из зала.

Зал находился в нижнем этаже монументального здания в испанском стиле с колоннадой вокруг патио: одно его крыло занимала тюрьма, в другом размещались административные учреждения города.

Пятеро парней из ВВС отошли в сторону и сели под колоннами; Мегрэ про себя отметил: они ни словом не обменялись между собой. Жара стояла невыносимая. В углу галереи находился красный автомат; люди подходили к нему, совали в щель пятицентовик и получали взамен бутылку кока-колы.

Почти вся публика собралась у автомата, в том числе и седовласый окружной атторней. Пили прямо из горлышка, без церемоний, а пустые бутылки ставили в ящик.

Мегрэ чувствовал себя словно мальчишка на первой перемене в новой школе, тем не менее ему уже не хотелось, чтобы Гарри Коул забрал его отсюда.

Никогда еще Мегрэ не доводилось появляться в суде без пиджака, и вопрос, как одеваться, недавно перерос для него в проблему. После того как он пересек границу Вирджинии, ему стало ясно: ходить по такой жаре в пиджаке и рубашке с пристежным воротничком невозможно.

Но трудность была в том, что Мегрэ всю жизнь носил подтяжки. Его брюки, сшитые во Франции, доходили ему чуть ли не до середины груди.

В каком-то городке (Мегрэ забыл его название) один из американских коллег повел его в магазин готового платья и заставил купить легкие брюки, в каких здесь ходят все, и кожаный ремень – на его большой серебряной пряжке красовалось изображение бычьей головы.

Другие приезжие с Востока оказывались куда решительней Мегрэ: они сразу же кидались в магазины и выходили оттуда одетые с ног до головы ковбоями.

Мегрэ заметил: двое присяжных, выглядевшие вполне мирными людьми, тем не менее носили ковбойские ботинки на высоких каблуках да еще с многоцветными кожаными вставками.

А револьверы, оттягивающие ремни шерифов, приводили Мегрэ прямо-таки в восторг: точь-в-точь такие же он в детстве видел в кино у героев вестернов.

– Хелло! Присяжные! – крикнул Иезекииль, словно школьный учитель, созывающий ребятишек.

Он хлопнул в ладоши, выбил о каблук трубку и краем глаза глянул на Мегрэ.

Но Мегрэ был уже не новичок. Он уселся на свое место; в прошлый раз, сам того не желая, он разделил Хэролда Митчелла, брата Бесси, у которого фурункул под ухом, и Эрну Болтон, но сейчас они устроились рядом и вполголоса беседовали между собой.

Правда, слушая показания о выпитом пиве и виски и о близости раз в неделю, Мегрэ еще не понял, был ли кто-нибудь убит. Механизм расследования, проводимого коронером, – вот единственное, что он более или менее представлял себе, да и то лишь потому, что присутствовал на подобных процессах в Англии.

Тихо, почти что с робостью сержант Уорд занял свое место на стуле для свидетелей. Иезекииль опять вступил в борьбу с вентилятором, а коронер с безразличным видом принялся за выяснение фактов.

– Вы остановили машину в восьми милях от города, неподалеку от муниципального аэродрома. Зачем?

– Чтобы оправиться, сэр.

Мегрэ сперва не понял. Хорошо еще, что Уорд ответил очень тихо и его попросили повторить; только краска смущения, появившаяся на лице этого здоровенного детины, помогла комиссару догадаться.

Видно, Уорд не сумел найти иных приличных слов, чтобы сообщить, что им нужно было помочиться.

– Из машины вылезли все?

– Да, сэр. Я отошел от нее футов на двадцать.

– Один?

– Нет, сэр. С ним.

И Уорд опять кивнул на Маллинза; очевидно, он имел против него зуб.

– Вы не знаете, где в это время была Бесси?

– Думаю, она тоже отошла.

Понятно, после двадцати бутылок пива на брата им это было просто необходимо.

– В котором часу это было?

– Думаю, между тремя и половиной четвертого. Точно не могу сказать.

– Вы видели Бесси, когда вернулись назад к машине?

– Нет, сэр.

– А Маллинза?

– Он вернулся через несколько минут после меня.

– Откуда?

– Не знаю.

– Что вы сказали своим приятелям?

– Я сказал: «Пошла она к черту! Это ей наука!»

– Почему вы так сказали?

– Потому что она уже выкидывала такие штучки.

– Какие?

– Сбегала от меня, не сказав ни слова.

– И вы поехали назад?

– Да. Проехав футов триста в направлении Тусона, я остановился и вышел из машины.

– Почему?

– Я надеялся, может, она надумает вернуться, и хотел дать ей эту возможность.

– Она была пьяна?

– Да, сэр. Но ведь ей и раньше случалось напиваться. В этот раз она еще соображала, что делает.

– Куда вы пошли, выйдя из машины?

– К железнодорожной линии. Она проходит в пустыне вдоль шоссе, футах в ста пятидесяти от него.

– На насыпь поднимались?

– Да, сэр. Я прошел футов триста, почти до того места, где Бесси нас бросила, и кричал ее по имени.

– Громко?

– Да. Но не нашел ее, и она не отозвалась. Я решил, что она хочет меня позлить.

– И тогда вы вернулись к машине. А ваши приятели вам ничего не сказали, увидев, что вы включаете двигатель и трогаетесь в Тусон, оставив Бесси в пустыне?

– Нет, сэр.

– Скажите, по-вашему, бросить женщину среди ночи в пустыне это по-джентльменски?

Уорд не ответил. Он стоял, опустив голову.

– Вы сразу же вернулись к себе на базу?

Дэйвис-Монтен, одна из основных баз бомбардировщиков В-29, находилась в десяти километрах от Тусона, но в противоположном направлении.

– Нет, сэр. Я подвез троих моих приятелей в город к автобусной остановке.

– Один, значит, остался с вами. Кто?

– Сержант Маллинз.

– Зачем?

– Я хотел поискать Бесси.

– Вы вернулись на ногалесское шоссе?

– Да, сэр. Я затормозил почти на том же месте, где мы стояли в тот раз.

– Вы ходили к железной дороге?

Уорд ответил не сразу.

– Нет. Вроде бы нет. Я просто не помню, чтобы вылезал из машины.

– Что же вы делали?

– Не знаю. Я очнулся и увидел, что лежу головой на руле, машина развернута к Тусону, а перед ней торчит телеграфный столб. Как сейчас помню: телеграфный столб и рядом с ним кактус.

– Маллинз был с вами?

– Да. Он сидел рядом и спал, свесив голову на грудь.

– Короче говоря, вы, если я вас правильно понял, не помните, что происходило с вами до вашего пробуждения перед телеграфным столбом?

По тому, как дрогнули губы Уорда, Мегрэ догадался: сейчас сержант сообщит нечто очень важное.

– Да, сэр. Мне вкатили наркотик.

– Вы хотите сказать, что не были пьяны?

– Мне часто случалось выпивать столько же, а то и больше, но я ни разу не отключался. Я вообще никогда не отключаюсь. Себя я знаю. Той ночью мне вкатили наркотик.

– Вы подозреваете, что вам что-то подсыпали в стакан?

– Или дали сигарету с наркотиком. Очухавшись, я машинально полез в карман за сигаретами и вытащил «Кэмел», а я курю только «Честерфилд». Выкурил сигарету из этой пачки и снова отключился, во второй раз.

– Маллинз при этом присутствовал?

– Да.

– Вы подозреваете, что это Маллинз подсунул вам в карман сигареты с наркотиком?

– Может, и он.

– Очнувшись, вы говорили с ним об этом?

– Нет. Я поехал домой. Живу я в городе с женой и детьми. Маллинз пошел ко мне. Я бросил ему подушку на диван и сказал, чтобы он ложился. Сам я тоже уснул.

– Сколько времени вы спали?

– Не знаю. Около часа, наверно. В шесть мы приехали на базу: мне нужно было подготовить мой самолет к полету.

– В чем состоят ваши обязанности?

– Я не из летного состава, а механик: проверяю самолет перед вылетом.

– А потом что делали?

– Около одиннадцати уехал с базы.

– Один?

– Нет, с Дэном Маллинзом.

– Когда вы узнали о смерти Бесси Митчелл?

– В три часа дня.

– Где находились в это время?

- В баре на Пятой авеню. Мы с Маллинзом пили пиво.
- Много уже выпили?
- Бутылок десять – двенадцать. Вошел шериф и спросил, не я ли сержант Уорд. Я ответил, что да, и тогда он мне велел идти с ним.
- Тогда вы еще не знали, что Бесси Митчелл мертва?
- Нет, сэр.
- И не знали, что трое ваших приятелей, которых вы оставили на остановке автобуса, расставшись с вами, сразу же взяли такси и поехали на ногалесское шоссе?
- Нет, сэр.
- На шоссе вы не видели такси? И поезда, шедшего из Ногалеса, тоже не слышали и не видели?
- Нет, сэр.
- А в то утро встретили на базе кого-нибудь из ваших приятелей?
- Сержанта О’Нила.
- Он вам что-нибудь говорил?
- Точно не помню, но что-то вроде: «С Бесси все о’кей».
- Как вы поняли его слова?
- Решил, что она, должно быть, вернулась домой, поймав какую-нибудь машину на дороге.
- В тот день вы заходили к ней на квартиру?
- Заходил. В одиннадцать, после базы. Эрна сказала, что Бесси еще не возвращалась.
- Это было уже после того, как сержант О’Нил сказал вам, что с Бесси все о’кей?
- Да.
- И вам это не показалось странным?
- Я решил, что она пошла куда-нибудь.
- Вы утверждаете, что не видели Бесси после того, как вышли вместе с сержантом Маллинзом из машины?
- Живую не видел.
- А мертвую?
- Да, в морге. Меня шериф туда привел.
- Когда во время первой остановки вы вернулись в машину и сели за руль, сержанта Маллинза еще не было и пришел он только через несколько минут?
- Да, сэр.
- Агторней, у вас есть вопросы?
- Седовласый агторней отрицательно покачал головой.
- У вас, присяжные?
- Пятеро мужчин замотали головами, а полная женщина, предвидя, что сейчас скажет коронер, взяла свое вязание.
- Перерыв!
- Иезекииль закурил трубку. Мегрэ тоже. Публика потянулась на галерею, ища в карманах пятицентовики для красного автомата с кока-колой.
- Но некоторые, видимо посвященные, скрывались за какой-то таинственной дверью, а когда выходили оттуда, от них, как отметил Мегрэ, пахло спиртным.
- Мегрэ, по правде сказать, до сих пор еще не был окончательно уверен в реальности того, что его окружает. Присяжный, пожилой негр с коротко подстриженными волосами и в очках с металлической оправой, дружески улыбнувшись, посмотрел на Мегрэ, и комиссар ответил ему улыбкой.

Глава 2

Первый ученик в классе

Бывает, особенно в провинции, что в кафе, где обычно собираются одни завсегдатаи, забредет случайный человек – дожждаться поезда или убить время до назначенного свидания; скучающий, сонливый, он сидит на диванчике и от нечего делать посматривает на соседний столик, за которым играют в карты.

Правил игры он явно не знает, однако вскоре, заинтересовавшись, пытается в ней разобраться. Вот он уже наклонился и заглядывает игрокам в карты. После каждого хода знаками выражает одобрение или досаду; наконец наступает момент, когда он уже с трудом удерживается, чтобы не вмешаться в игру.

Сегодня днем Мегрэ чувствовал себя таким же чужаком, случайно заглянувшим в провинциальное кафе, и от этого ему было несколько не по себе. Тем не менее он стал входить в игру.

Уже во время допроса сержанта Уорда Мегрэ начал ерзать на своем месте. Да самый бездарный из его инспекторов обязательно задал бы допрашиваемому кое-какие вопросы, а этот судья при всей его дотошности и внешности педанта, похоже, и не думает их ставить.

Конечно, допрос у коронера еще не судебный процесс. Присяжным предстоит только решить, умерла Бесси Митчелл естественной или насильственной смертью, и если смерть была насильственной, явилась она результатом несчастного случая или преступных действий.

При принятии одной из двух последних гипотез окончательное рассмотрение дела будет производиться позже и с другим составом присяжных.

– Расскажите о событиях, происходивших двадцать седьмого июля после семи тридцати вечера.

Не слишком ли наивно оставлять четырех парней слушать показания их товарища?

Сержант О’Нил был пониже и поприместей остальных. Волосы у него курчавые, светлые, с рыжеватым оттенком. Грубые черты лица делают его похожим на крестьянина с севера Франции, но на крестьянина чистенького и опрятного.

Все они здесь выглядели какими-то чистенькими – и пятерка военнослужащих, и остальные, сидящие в зале. У них здоровый, благополучный вид – в Европе в уличной толпе такие люди встречаются ой как нечасто.

– Мы пошли в «Пингвин», сидели там и пили.

Это был примерный ученик-зубрила, хоть и не блистающий особыми способностями. Прежде чем ответить, он, словно на уроке, поднимал глаза к потолку, некоторое время соображал и только потом начинал говорить – неторопливым, ровным, бесцветным голосом, повернувшись, как велено, к присяжным.

В сущности, все они мальчишки, мальчишки-переростки двадцати с небольшим лет, крепко сложенные, мускулистые, но тем не менее мальчишки, которых по недоразумению принимают за взрослых людей.

– Сколько стаканов вы выпили?

– Около двадцати.

– Кто ставил выпивку на всех?

О’Нил это помнил. Помолчав – ему нужно было время подготовиться к ответу, – он сообщил, что сержант Уорд платил за два круга выпивки, почти за все остальные заплатил Дэн Маллинз, а он, О’Нил, только за один.

Мегрэ охотно потолковал бы с О'Нилом с глазу на глаз у себя в кабинете на набережной Орфевр; уж он бы вывернул этого ирландца наизнанку и узнал, что у него за душой.

Все они, кроме Уорда, холосты, и потому первым делом Мегрэ спросил бы: «Любовница у вас есть?»

О'Нил парень здоровый и без женщины не может обходиться. Той ночью они оказались пятером с одной девушкой, и все, за исключением китайца, были в подпитии. Неужто же в темной машине они не дали воли рукам?

Коронер о таких вещах, казалось, не думал, а если и думал, то никак этого не проявлял.

– Кто решил поехать на остаток ночи в Ногалес?

– Точно не помню, но, кажется, Уорд.

– От Бесси вы такого предложения не слышали?

– Нет, сэр.

– Как вы сидели в машине?

О'Нил долго и сосредоточенно размышлял; можно было подумать, что он не слышал показаний своего приятеля.

– Уорд через некоторое время пересадил Бесси назад.

– Почему?

– Думаю, ревновал ее к Маллинзу.

– У него были основания опасаться Маллинза в этом смысле больше, чем остальных?

– Не знаю.

– Что произошло, когда вы проехали аэродром?

– Мы остановились.

– Почему?

О'Нил долго смотрел в потолок, наконец, глянув искоса на Уорда, не отрывавшего от него глаз, произнес:

– Потому что Бесси отказалась ехать дальше.

Всем своим видом он демонстрировал: «Мне очень жаль, но такова правда, а я давал присягу говорить только правду».

– Бесси не захотела ехать в Ногалес?

– Да, сэр.

– По какой причине?

– Не знаю.

– Что произошло после того, как машина остановилась?

И опять было произнесено «оправиться» – армейский синоним глагола «помочиться».

– Бесси прошла в противоположную сторону?

О'Нил опять посверлил взглядом потолок, но молчание оказалось куда продолжительней, чем раньше.

– Насколько я помню, Бесси возвратилась вместе с Уордом.

– Бесси вернулась?

– Да, сэр.

– И села в машину?

– Да. Мы развернулись и поехали к Тусону.

– А когда Бесси оставила вас?

– Когда мы во второй раз остановились. Как только мы развернулись, Бесси сказала Уорду, что хочет с ним поговорить.

– Она сидела сзади, рядом с вами?

– Да. Сержант Уорд затормозил, и они вдвоем вышли из машины.

– Куда они пошли?

– К железной дороге.

- Они долго отсутствовали?
 - Сержант Уорд вернулся минут через двадцать – двадцать пять.
 - Вы посмотрели время?
 - У меня не было часов.
 - Он вернулся один?
 - Да. Он проворчал: «Пошла она к черту! Это ей наука!»
 - Что он этим хотел сказать?
 - Не знаю, сэр.
 - И вы сочли нормальным бросить женщину в пустыне, а самим уехать в город?
- О'Нил молчал.
- Спиртное вы с собой взяли? Была в машине бутылка виски?
 - Не помню.
 - Доставив вас в город к автобусной остановке, Уорд объявил, что едет искать Бесси?
 - Нет, ничего не сказал.
 - Вас не удивило, что он не подвез вас до базы?
 - Я об этом не думал.
 - Что после этого сделали вы, капрал Ван-Флит и У Ли?
 - Взяли такси.
 - О чем вы беседовали между собой?
 - Ни о чем.
 - Кто предложил взять такси?
 - Не помню, сэр.
 - Через какое время после отъезда Уорда и Маллинза вы взяли такси?
 - Минуты через три, даже через две.

Ишь упрямец-мальчишка: скрывает что-то, и клещами из него не вытащишь. Но почему он так себя ведет? Мегрэ был возбужден. Еще немного, и он, пожалуй, словно школьник, поднимет руку и задаст вопрос.

И тут Мегрэ неожиданно покраснел: он заметил Коула, который с довольной улыбкой стоял в дверях. Интересно, давно ли он за ним наблюдает? А Коул мимикой и жестами изобразил нечто вроде: «Я вижу, вы намерены остаться здесь?»

Он еще немного постоял и на цыпочках удалился, решив не мешать Мегрэ в его новом увлечении.

- Где вы вышли из такси?
- На том месте, где делали вторую остановку.
- Точно на том же?
- Было темно, поэтому утверждать не могу. Вот мы постарались вспомнить, где тогда останавливались.

– Вы отпустили такси, не так ли? А как же вы собирались вернуться в город и добраться до базы?

- Проголосовали бы.
- Который уже был час?
- Примерно половина четвертого.
- Вы не встретили машину Уорда? Его самого или Дэна Маллинза тоже не видели?
- Нет, сэр.

Уорд в упор смотрел на него, а О'Нил все время отводил глаза, но порой взгляды их встречались, и тогда О'Нил принимал вид человека, извиняющегося за то, что он вынужден исполнять свой долг.

- Что вы делали, оставшись втроем на шоссе?
- Пошли в сторону Ногалеса, а потом повернули вдоль железной дороги к Тусону.

- Долго вы так ходили?
- Около часа.
- И никого не видели?
- Никого, сэр.
- И ни с кем не разговаривали?
- Ни с кем, сэр.
- Ну а потом что?
- Остановили попутную машину и доехали до базы.
- Марку машины помните?
- Точно – нет. Кажется, это был «шевроле» сорок шестого года.
- С водителем разговаривали?
- Нет, сэр.
- Что вы сделали, приехав на базу?
- Пошли спать. В шесть часов мы уже были у своих самолетов.

Мегрэ кипел. Ох как хотелось ему хорошенько встряхнуть этого бестолкового судью и рявкнуть: «Вы что, никогда в жизни свидетелей не допрашивали? Или нарочно стараетесь не задавать вопросов по существу?»

- Когда вам стало известно, что Бесси Митчелл мертва?
- Около шести вечера, когда мне сказал об этом ее брат.
- Что он сказал дословно?
- Что Бесси нашли мертвую на железной дороге и будет следствие.
- Кто присутствовал при вашем разговоре?
- В комнате со мной был У Ли. Он заявил: «Я знаю, как это произошло». Митчелл стал его расспрашивать, но У Ли сказал: «Я расскажу только шерифу».

Было уже начало шестого, и коронер, собирая разбросанные по столу бумаги, все так же внезапно закрыл заседание, объявив с рассеянным видом:

- Завтра в девять тридцать. Но не здесь, а во второй камере, этажом выше.

Публика расходилась. Пятеро военнослужащих, по-прежнему не разговаривая друг с другом, собирались на галерее, и офицер повел их через патио.

Там уже стоял Гарри Коул в габардиновых брюках и белой рубашке – этакий жизнерадостный молодой человек спортивного вида.

- Вам это было интересно, Джулиус? Что скажете насчет стаканчика пива?

Неожиданно они окунулись в жару, в густой солнечный свет; даже звуки здесь казались приглушенней. На фоне неба высилось с полдюжины городских небоскребов. Все кинулись к своим автомобилям; индеец – Мегрэ заметил, что одна нога у него деревянная, – и тот открывал дверцу старой колываги с подвязанным веревками капотом.

- Держу пари, Джулиус, вы хотите меня о чем-то попросить.

Они вступили в кондиционированную прохладу бара; сразу же в глаза бросилось множество габардиновых брюк, белых рубашек и по всей стойке – бутылки пива. Правда, были здесь и ковбои – настоящие, в обтягивающих ляжки штанах из грубого голубого молескина, в сапогах с высокими каблуками и широкополых шляпах.

– Да, хочу. Нельзя ли перенести поездку в Ногалес на другой день? Мне хотелось бы завтра дослушать расследование.

- Ваше здоровье! А вопросы есть?

– Куча. Буду задавать их в том порядке, как они придут мне в голову. Проститутки у вас здесь водятся?

– Не в том смысле, какой вы вкладываете в это слово. В некоторых штатах проституция существует. В Аризоне запрещена.

- А Бесси Митчелл?

- Это вот как раз замена.
- Эрна Болтон тоже?
- Более или менее.
- Сколько на базе солдат?
- Тысяч пять-шесть. Я как-то этим никогда не интересовался.
- И большинство неженатые?
- Три четверти.
- Как же они устраиваются?
- Кто как может. Это непросто.

В улыбке, редко сходявшей с губ Коула, не было иронии. Зная профессиональную репутацию Мегрэ, он, несомненно, питал к нему большое уважение, может быть, даже нечто вроде восхищения. Однако ему было немножко забавно: этот француз занимается вопросами, никак его не касающимися.

– Сам я с Востока, – не без гордости сообщил Коул. – Происхожу из Новой Англии. А здесь, знаете ли, жизнь пока еще немножко как на границе. Я мог бы вам показать нескольких стариков из пионеров: в начале века они еще воевали с апачами и участвовали в судах Линча, вешая конокрадов и угонщиков скота.

Не прошло и получаса, а они уже выпили по три бутылки пива, и тут Коул провозгласил:
– Время виски!

Потом они покатали к Ногалесу и проехали через весь Тусон; так же, как недавно суд, он поразил Мегрэ.

Город был не маленький: в нем насчитывалось больше ста тысяч жителей. И все-таки сразу по выезде из центра, из делового квартала, где высилось с полдюжины двадцатиэтажных зданий – это они, подобно вонзившимся в небо башням, бросились недавно в глаза Мегрэ, – Тусон стал напоминать дачный поселок, верней, несколько расположенных рядом дачных поселков: одни были побогаче, другие победней, но все одинаково новенькие, аккуратные, застроенные одноэтажными коттеджами.

Дальше мощеные улицы кончились. Пошли огромные пустыри. Сразу же за аэродромом начиналась настоящая пустыня, а вдалеке маячили фиолетовые горы.

– Примерно здесь все и произошло. Хотите выйти взглянуть? Остерегайтесь гремучих змей.

- А они здесь водятся?
- Даже в городе встречаются.

Железная дорога была однопутная и шла футах в ста пятидесяти от шоссе.

– За сутки тут, думаю, проходят четыре-пять поездов. Вы не против прокатиться в Мексико и выпить там по стаканчику? До Ногалеса рукой подать.

Сто километров! Однако проскочили они их меньше чем за час.

Ногалес оказался крохотным городишком, состоящим из двух улиц, перекрытых решетчатыми воротами. Пограничники в форме. Гарри Коул поговорил с ними, и через минуту он и Мегрэ оказались в толпе, кишачей на узких и таких грязных улочках мексиканской части города, что, право, было бы лучше, если бы туда вовсе не проникал тусклый вечерний свет.

– Начнем с кабаре, хотя сейчас еще рановато.

Полуголые мальчишки зазывали их почистить обувь, взрослые загорали дорогу и пытались заманить в лавчонки, торгующие сувенирами.

– Как видите, здесь настоящая ярмарка. Когда человек, живущий в Тусоне или даже в Фениксе, а то и еще дальше, хочет развлечься, он едет сюда.

Действительно, в огромном баре сидели сплошь американцы.

- Вы полагаете, Бесси Митчелл была убита?
- Я знаю одно – она погибла.

– В результате несчастного случая?

– Честно сказать, меня это не касается. Это не федеральное преступление, а я занимаюсь только ими. Все остальное – дело полиции округа.

Иначе говоря, дело шерифа и его помощников. Слова Коула ошеломили комиссара куда сильнее, чем эта чудовищная ярмарка.

Шериф, начальник полиции графства – это вовсе не чиновник, назначенный на пост в порядке продвижения по службе или на основании экзаменов, а обычный гражданин, избранный так же, как в Париже избирают муниципального советника. Не важно, чем он занимался до этого. Он встречается с избирателями и проводит избирательную кампанию.

После избрания он по своему усмотрению назначает помощников шерифа, иными словами, инспекторов. Это на их набитые патронами пояса и огромные револьверы с таким восторгом взирал Мегрэ.

– Но это еще не все! – с чуть заметной иронией добавил Гарри Коул. – Большинство помощников шерифа получают жалованье, однако есть и другие.

– Такие, как я? – рассмеялся Мегрэ, вспомнив врученную ему серебряную звезду.

– Нет, я имею в виду друзей шерифа, влиятельных избирателей; каждому из них он тоже вручает такую звезду. Например, все или почти все владельцы ранчо являются помощниками шерифа. И не думайте, что они легкомысленно относятся к этому званию. Несколько недель назад опасный преступник, бежавший из тюрьмы, ехал в украденной машине по шоссе между Тусоном и Ногалесом. Шериф дал знать одному из ранчерос, живущему примерно на полпути. Тот позвонил нескольким соседям, тоже скотоводам, как он. Все они были помощниками шерифа. Из своих машин они устроили на дороге заграждение и, когда беглец попытался прорваться через него, открыли стрельбу, пробили ему скаты, вели с ним перестрелку, а потом поймали, накинув лассо. Ну, что вы на это скажете?

Выпил Мегрэ пока еще куда меньше, чем ребята из ВВС в ту ночь, но выпитое явно давало себя знать; поэтому он насмешливо пробурчал:

– Во Франции его попробовала бы все-таки задержать полиция, а не местные жители.

Когда они выехали в Тусон, Мегрэ помнил неотчетливо...

Сопровождаемый, как обычно, Коулом, он вошел в «Пингвин» около полуночи – точнее время он бы сказать не смог. Тут была длинная стойка из навощенного темного дерева, на полках бутылки с разноцветными напитками. Как всюду в барах, царил полумрак, и в нем выделялись белые рубашки.

В глубине высился автоматический проигрыватель – величественный, монументальный, сверкающий хромированными деталями, а рядом с ним стоял игровой автомат; человек средних лет чуть ли не час подряд в надежде на выигрыш совал в него монеты и дергал за ручку, пытаясь загнать никелированные шарики в отверстие.

Автомат украшали яркие и довольно наивно исполненные рисунки женщин в купальных костюмах. Впрочем, на висящем над стойкой календаре была одна и обнаженная.

Но живых женщин, из плоти и крови, в баре было немного. Всего две или три сидели за столиками, разделенными перегородками метра в полтора высотой. Они были с кавалерами. Держась за руки, парочки застыли над стаканами с пивом и виски и, слегка улыбаясь, слушали музыку, которую без передышки выдавал проигрыватель.

– В общем, весело! – с хриплым смешком бросил Мегрэ.

Непонятно почему, но Коул его раздражал. Возможно, Мегрэ действовала на нервы его непробиваемая самоуверенность.

Он, рядовой офицер ФБР, ведет огромный автомобиль одной рукой, на скорости километров за сто в час бросает руль и прикуривает сигарету. Всех на свете знает, и его знают все. В Мексике, здесь ли – хлопает человека по плечу, и тот с преувеличенной сердечностью восклицает:

– Хелло, Гарри!

Коул представляет Мегрэ, и комиссару жмут руку, словно другу до гроба, не поинтересовавшись даже, а что он здесь делает.

– Have a drink!

Выпьем! С тобой пьют, и плевать, что ты за человек.

Вдоль стойки на высоких табуретах неподвижно сидели люди и лишь иногда поднимали палец – бармен четко понимал смысл этого жеста. Были тут и несколько сержантов авиации. Возможно, на базе имелись рядовые, но Мегрэ до сих пор ни одного не удалось увидеть.

– Если я правильно понимаю, они возвращаются в казарму, когда им заблагорассудится?

Вопрос удивил Коула.

– Естественно!

– Даже в четыре часа утра, если им так угодно?

– Если они свободны от службы, то вообще могут не возвращаться.

– А если напьются?

– Это никого не касается. Главное, чтобы они хорошо делали свое дело.

Почему это так бесило Мегрэ? Может быть, потому, что он вспомнил свою военную службу, поверки в десять вечера, многонедельные ожидания скудного увольнения в город до двадцати четырех ноль-ноль?

– Не забываете, все они добровольцы.

– Я знаю. А где можно завербоваться в армию?

– Где угодно. На улице, например. Вы никогда не обращали внимания на фургоны, которые иногда останавливаются на перекрестках, и из них несется музыка? Внутри там развешены фотографии экзотических стран и сидит сержант, расписывающий прелести солдатского ремесла.

У Коула вечно был такой вид, будто он непрерывно играет с жизнью и это его забавляет.

– Народ там, конечно, всякий, как в любой армии. Думаю, у вас тоже на военную службу берут не одних только пай-мальчиков. Хелло, Билл! Мой друг Джулиус! Have a drink!

В десятый, если не в двадцатый раз за вечер Мегрэ выслушивал от очередного знакомого рассказ о его парижских приключениях. Все они, оказывается, бывали в Париже. И все повествовали об этом одинаково игривым тоном.

– Have a drink!

Мегрэ подумал, что, если бы завтра коронер стал его допрашивать, пришлось бы отвечать: «Не помню, сколько стаканов. Наверное, около двадцати».

С каждым новым стаканом Мегрэ становился более замкнутым, и даже вид у него сделался строптивый, как у сержанта О'Нила.

Он все пытался понять и наконец понял-таки, почему его раздражает Гарри Коул. Этот фэбээровец считает, что у себя в стране Мегрэ, несомненно, величина, но здесь, в Соединенных Штатах, ничего не смыслит в происходящем.

Глядя на задумавшегося Мегрэ, Коул посмеивался. Однако Мегрэ считал, что люди и человеческие страсти везде одинаковы. Надо только отрешиться от внешних отличий, от всего, вызывающего удивление, например от двадцатиэтажных зданий, пустыни, кактусов, ковбойских сапог и шляп, автоматов с кружащимися никелированными шариками и автоматических проигрывателей.

«Итак, пятеро сержантов и одна девушка. Они пили». Пили механически, так же, как сейчас Мегрэ, как все сидящие в этом баре.

– Хелло, Гарри!

– Хелло, Джим!

Можно подумать, что у них тут ни у кого нет фамилии. И все они лучшие друзья. Коул, представляя кого-нибудь Мегрэ, всякий раз проникновенным голосом добавлял: «Великолепный малый!» Или того лучше: «Сногшибательный парень!»

И ведь ни разу не произнес: «Негодяй».

Куда подевались все негодяи? Может, здесь они вообще не водятся?

Или просто к ним тут относятся снисходительней?

– Как вы думаете, те пятеро сегодня вечером могли уйти из казарм?

– А кто им запретит?

Послужить бы им в Париже! Попробовали бы они не вернуться в казарму!

– Их ведь ни в чем не обвиняют, не так ли?

– Пока нет, – пробормотал Мегрэ.

– До тех пор, пока человек не признан виновным...

– Знаю, знаю!

И Мегрэ в раздражении осушил стакан. Потом стал наблюдать за одной парочкой. Уже минут пять они целовались врасос, причем рук мужчины не было видно.

– Скажите, они, вероятно, не женаты?

– Нет.

– Они могут снять номер в отеле?

– Только записавшись мужем и женой, но это нарушение закона, и у них могут быть неприятности, особенно если они прибыли из другого штата.

– Где же тогда им переспать?

– Начнем с того, что неизвестно, есть ли у них сейчас в этом надобность.

Мегрэ раздраженно пожал плечами.

– В конце концов существует машина.

– А в друг у них нет машины?

– Это маловероятно. У большинства людей есть машина. Ну а отсутствие машины делает их желание неосуществимым.

– А если они устроятся на улице?

– Это им будет дорого стоить.

– А если девушке окажется семнадцать с половиной лет вместо восемнадцати?

– Ее партнеру это может обойтись в десять лет каторжной тюрьмы.

– Но Бесси Митчелл не было восемнадцати.

– Она уже была замужем и развелась.

– А Мегги Уоллек, любовнице музыканта?

– С чего вы это взяли?

– Но это же очевидно.

– А вы их видели в постели?

Мегрэ стиснул зубы.

– Имейте в виду, она тоже была замужем. И тоже разведена.

– А Эрн Болтон, приятельница брата Бесси?

– Ей двадцать лет.

– Вы что, знакомились с делом?

– Я? Оно не относится ко мне. Я же вам уже говорил: это не федеральное преступление. Вот если бы они в преступных целях использовали свое служебное положение, тогда бы наше ведомство занялось ими. Или если бы они выкурили по одной-единственной сигарете с марихуаной. Have a drink, Gulius!

Человек двадцать сидели вдоль стойки и пили, глядя прямо перед собой – на ряды бутылок и календарь с обнаженной женщиной. В этой стране голые или полуголые женщины были

практически везде – на рекламных плакатах, на рекламных календарях; со страниц журналов, с киноэкранов лезли в глаза изображения хорошеньких девушек в пляжных костюмах.

– Но, черт побери, что же делает такой парень, когда хочет женщину?

Гарри Коул, более привычный к виски, посмотрел Мегрэ в глаза и расхохотался:

– Женится!

Похоже, что коронер намеренно не задавал элементарнейших вопросов. Но все-таки надеялся же он докопаться до истины? Или ему наплевать на нее?

В конце концов, может быть, следствие – всего лишь формальность и ни у кого нет ни малейшего желания выяснять, что же на самом деле произошло той ночью?

Один из двоих допрошенных, несомненно, лгал. Это мог быть и сержант Уорд, и сержант О'Нил.

Но это, кажется, никого не удивило. И того и другого допрашивали с одинаковой любезностью, верней, с одинаковым безразличием.

– Сейчас нас выставят, – сообщил Коул, взглянув на часы. – Вы ничего не хотите прихватить?

Мегрэ удивился, и тогда Коул указал ему на двух посетителей.

– Поглядите-ка.

Эти двое подошли ко второй стойке, находящейся около выхода, – там продавали спиртное бутылками, купили по плоской фляжке виски и засовывали их в задние карманы.

– Наверно, им предстоит долгая дорога, а? Или, может, они мучаются от бессонницы?

Фэбээровец явно посмеивался, и Мегрэ, пока они ехали до отеля «Пионер», не перемолвился с ним ни словом.

– Как я понимаю, завтрашний день вы собираетесь провести в суде?

Мегрэ пробурчал в ответ что-то невразумительное.

– К обеду я за вами зайду. Вам повезло: заседание будет на втором этаже, во второй камере, там кондиционеры. Спокойной ночи, Джулиус.

И, точно речь шла не о погибшей, Коул весело напутствовал Мегрэ:

– Постарайтесь не видеть во сне Бесси!

Глава 3

Китаец, который не пил

Человека три поздоровались с Мегрэ, и ему это было приятно. Вокруг второго этажа здания окружного суда шла такая же галерея, как на первом. Солнце уже было жаркое, и люди группами курили в тени, ожидая сигнала Иезекииля.

Иезекииль с огромной трубкой в зубах приветствовал дружеским кивком Мегрэ, а заодно и присяжного с деревянной ногой.

Придя в отель, Мегрэ долго раздумывал, ощутимо ли изменилось отношение публики к Уорду.

Когда О'Нил, рассказывая о второй остановке, заявил, что Уорд и Бесси вместе пошли к железной дороге, смутения не было – был небольшой общий шок. Как будто у всех кольнуло в груди.

Не станут ли теперь все посматривать на Уорда с тем произвольным любопытством, с каким смотрят на убийцу?

Пятеро сержантов стояли тут же неподалеку от офицера, отводившего их вчера в казарму, и в ожидании вызова в зал курили. Держались они друг от друга на расстоянии, точно поссорившиеся школьники.

Уорд, нахмутив густые черные брови, стоял как бы отдельно от всех, и Мегрэ показалось, будто он исподтишка поглядывает на него своими голубыми глазами.

Интересно, дома он сегодня ночевал? И вообще, какие у него сейчас отношения с женой? Как она отнеслась ко всему этому? Может быть, он попросил у нее прощения? Или они окончательно порвали между собой?

Китаец был хрупкий и миловидный, как девушка, и притом с большими миндалевидными глазами.

Из-за маленького роста он казался гораздо моложе остальных. Впрочем, в каждой школе есть ученик, которого все дразнят девчонкой.

Ожидались интересные новости. Отчет о вчерашнем заседании был напечатан в газете под жирной шапкой:

СЕРЖАНТ УОРД УТВЕРЖДАЕТ:

«МНЕ ВКАТИЛИ НАРКОТИК».

О'НИЛ ПО МНОГИМ ПУНКТАМ ОПРОВЕРГАЕТ

ПОКАЗАНИЯ УОРДА.

О'Нил опять изображал примерного, старательного ученика – даже слишком старательного. Интересно узнать, он и Уорд разговаривают после вчерашнего?

Проснулся Мегрэ в мрачном настроении, с сильной головной болью, короче, со всеми признаками похмелья, но оно вскоре прошло. И все-таки его злило, что приходится прибегать к этому американскому средству. В первые дни пребывания в Нью-Йорке Мегрэ поражался:

вечером прощаешься с человеком, находящимся в изрядном подпитии, а утром он встречает тебя бодрый и свежий. Мегрэ раскрыли секрет. Потом во всех аптеках, барах и кафе он видел эти подвешенные к стене горлышком вниз голубоватые сифоны с никелированными головками.

Средство это добавляют в стакан с водой, и в ней сразу идут пузырьки и появляется пена. Причем обслуживают вас так же естественно, как если бы вы заказали кока-колу или кофе с молоком; через несколько минут после приема алкогольный туман в мозгу рассеивается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.